

О Т З Ы В

официального оппонента на диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук Щербининой Ольги Ивановны на тему «А. Мальц, Г. Фаст, Л. Хеллман и СССР: литературные контакты» по специальности 5.9.2 «Литературы народов мира»

Работа О.И. Щербининой напоминает нам о как будто очевидном, но далеко не всегда учитываемом факте: литературные контакты – это контакты между людьми, которые пишут, читают и занимаются самой разной околослитературной работой (как то: книгоиздание, критика, цензурирование, перевод, построение институтов и политическое руководство ими). Все это - на границах культур. В диссертации предьявлен обширный срез российско-американской истории. Он богат социальными драмами: Великая депрессия и построение социализма ценой безжалостной сверхэксплуатации человеческих ресурсов, мировая война, потом холодная война, по ходу которой вчерашние союзники, превратившись в идеологических антиподов, отчаянно «зеркалили» друг друга. Из этого клинча длиной в полтора десятилетия Россия выбралась в «оттепель», США - в «жаркие 60е».

О.И. Щербинина исследует то, чем были эти драматические сорок лет в жизни и творчестве трех писателей – Лилиан Хеллман, Альберта Мальца и Говарда Фаста. Наряду с рядом других, они составили «сталинский канон» американской литературы. Это причудливое образование сформировалось в литературной культуре СССР игрой политической и идеологической конъюнктуры, окрепло, а потом рассыпалось. Писатели в этом процессе оказались героями и «пешками», заложниками и «интересантами» - в силу наличия левых социальных взглядов и любопытства к советскому эксперименту (о котором они имели представление хоть и лучшее, чем большинство соотечественников, но все равно очень поверхностное). Всех троих, можно сказать, «угораздило» писать, думать, проявлять общественную активность в ситуации, которую Бернард Маламуд, ровесник Говарда Фаста, позже опишет так (применительно к герою своего романа «Новая жизнь», 1960): «Чтобы сохранить душевный мир он многие дни не открывал газет и не включал радио. Он знал, что будет в новостях, и предпочитал об этом забыть. Холодная война наступала на мир, как ледник. Корейская – горячая - ничего хорошего не сулила. Америка исполнившись страха и самобичевания, превратилась в нацию шпионов и коммунистов. Сенатор Маккарти сжимал в волосатом кулаке досье на каждого, а ученые, по слухам, что-то страшное творили с атомом. Америка сделалась анти-американской, в лучшем смысле

этого весьма сомнительного эпитета". И Хеллман, и Мальц, и Фаст на склоне лет будут вспоминать этот период как пору мучительных личностных испытаний и неприятных метаморфоз, - «время подлецов» (scoundrel time). Стать чьим бы то ни было сторонником тогда значило стать кого-то предателем, в изнанке любого политического решения таился моральный урон, а стремление к компромиссу могло обернуться уроном едва ли не худшим. В разряд «сталинских марионеток» мог быть зачислен А. Миллер и аж даже Т. Манн, в разряд «марионеток мирового капитала» – Хемингуэй или Стейнбек. С другой стороны, писатели, маргинализованные «родным» государством, апроприировались государством-антиподом в контр-канон, удостаивались сверх-внимания, внушительных тиражей и гонораров. Поэтому нам трудно сегодня судить того же Говарда Фаста за отречение от левых взглядов в конце 1950х годов и повторное «отречение от отречения» спустя еще тридцать лет. Проявились ли в этом эгоцентризм, корысть конъюнктурщика или беспомощность человека, сражающегося с собственным публичным имиджем? О.И. Щербинина исследует эти тонкие вопросы, подробно излагая историю советско-американской культурной дипломатии: то, как устанавливались и как поддерживались литературные контакты; чем они сопровождались и чего стоили - в плане денежном, политическом, моральном, как менялись со временем. Оправданным образом диссертантка фокусируется на рубеже наименее исследованном и наиболее проблематичном - 1950-х-1960-х гг. Как раз в это время разоблачение неведомой ранее миру изнанки советско-сталинского мира вызывает у бывших американских «попутчиков» реакцию бурного разочарования в мифе, а естественно завязывающиеся дружеские связи с внутренними критиками советского режима неожиданно оказываются источником проблем для обеих сторон (тому доказательством - причудливые случаи, вроде обличительная критика Анатолия Кузнецова устами Лилиан Хеллман).

Три основные главы диссертации живо написаны, четко структурированы и очень богаты фактами: в научный оборот впервые вводятся неизданные документы - письма, протоколы, отчеты и иные материалы, обнаруженные в РГАЛИ, а также материалы журнальной периодики, тщательно проработанной под избранным углом. В итоге убедительно показано то, как «гравитационное поле истории меняло художественный универсум писателей не только на тематическом, но и жанрово-формальном уровне» (с. 155).

Если что обескураживает читателя, так это отсутствие в каждой из трех глав обобщающего финала. Этот чисто формальный момент свидетельствует, на мой взгляд, о недостатке более общем и позволяет перейти к критической части отзыва. При чтении мне не доставало 1). более плотного анализа текстовых форм (при грамотном и умелом резюмировании содержания тех же текстов) и 2). более активного использования теоретических идей соответствующей направленности. Эти два момента взаимосвязаны и тем более важны, что во Введении, при формулировке задач исследования автор делает две теоретические заявки.

Во-первых: рассмотреть литературные контакты как «полноценный магистральный сюжет, относящийся к области истории литературы (не как часть более широкой панорамы социальной истории)» (с. 15) Отлично, - но что это значит? То, что анализ не будет упускать из вида «проблемы поэтики, жанра, стиля, литературного направления», - поясняется тут же (с.16). Литературоведческие понятия, действительно, фигурируют в тексте, но отсылки к ним сами по себе не обеспечивают решения большой, методологической по сути проблемы.

Во-вторых: разработать функциональную модель, которая описывала бы общие закономерности творческой и идейной эволюции левых американских литераторов конкретного поколения (родившихся в первые полтора десятилетия XX века). И та и другая задачи решаются в диссертации, но не вполне последовательно. Самый близкий подступ к обещанной и искомой «модели» – это попытка в Заключение описать «типичный путь» из лагеря друзей советского строя в лагерь его же критиков, развернув его по десятилетиям: 1930е, 1940е, 1950е, 1960е и далее. Можно ли этот «путь» считать «моделью»? вопрос спорный. Мне кажется, в решении поставленной задачи очень помогла бы «экскурсия» в ту область теории, которая обозначается как «новый историзм» или «новый формализм»: и тот и другой предполагают *контексто-центричную* работу с литературной формой (в отличие от «старого», *текстоцентричного* формализма) и ставку не на отделение эстетики от политики, а на рассмотрение их в ансамбле, - на политический анализ эстетических, дискурсивных, нарративных форм.

Приведу в качестве примера вывод из работы под номером 3, особенно меня заинтриговавший: «Сочинения Хеллман, Фаста и Мальца, которые максимально соответствовали советским ожиданиям и установкам в тематике, проблематике и эстетике, оказались наименее значимыми в их литературном наследии и зачастую вредили их популярности у читателей и

издателей на родине» (с.17). В диссертации этот вывод иллюстрируется рядом примеров, но иллюстрация еще не есть доказательство. Можно усомниться в том, что мнения официозных советских критиков вредили популярности одобряемых ими книг у американских читателей. Но возможно, речь идет об «ожиданиях и установках» не советской критики, а советской читающей публики? О читателях, однако, в работе речи почти не идет, как не используется и понятие «литературного поля» (предложенное в свое время Пьером Бурдьё представление о литературе как о сложно устроенном культурном институте). Эти «поля» в советской России и современной ей Америке и похожи и непохожи, - сравнение напрашивается (поскольку механизмы цензурирования, массового распространения и др. действуют и там и там), но сравнивать трудно. И как раз здесь, как мне кажется, открываются большие перспективы будущих исследований¹.

В рассуждениях о механизмах рецепции, парадоксах культурного трансфера О.И. Щербининой тоже не помешала бы более плотная опора на наличную теорию и опыт исследований Х.-Р. Яусса, М. Эспаня и др. «Удивительным образом театральными корифеями в это время в СССР оказались авторы, о пьесах которых на родине в США знали единицы», - читаем мы, к примеру, на с. 39. Тут хочется спросить: насколько подобная ситуация «удивительна»? Да, «в норме» стимулом к культурному экспорту/импорту оказывается успех произведения на родине автора. И все же: насколько редки – или не так уж редки? – случаи триумфального «возвращения» автора на родину после неожиданно успешного заграничного «турне»?

Текст диссертации написан в целом хорошо, - ясно, легко и увлекательно. Прилагается внушительная и хорошо организованная библиография. Реферат полностью отражает содержание основного текста.

Сделанные замечания не ставят под сомнение общее благоприятное впечатление от работы О.И. Щербининой. Инструментальная недовооруженность понятна у молодого, растущего ученого и относительно

¹ Их затруднит, конечно, недостаточность данных: социология литературы в СССР не существовала с начала 1930х по конец 1950х годов. Однако сохранились библиотечные отчеты, письма читателей, свидетельства переводчиков. Простые, но систематизированные данные о числе и тиражах переводных изданий помогли бы исследовательнице выстроить более полную картину литературной жизни.

легко изживаема, а вот такие свойства, как смелость, ответственность, трудолюбие – есть или нет. В данном случае они есть.

Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова, к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.2 – «Литературы народов мира», а также критериям, установленным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена согласно пунктам 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискательница Щербинина Ольга Ивановна заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.2 «Литературы народов мира».

Официальный оппонент:

доктор филологических наук,

профессор филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

Венедиктова Татьяна Дмитриевна

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация: 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (европейская и американская литература)

Адрес места работы: 119991, Москва, Ленинские горы, ГСП,
МГУ имени М.В.Ломоносова,
1-й корпус гуманитарных факультетов (1-й ГУМ),
филологический факультет, кафедра общей теории словесности, к. 939